

Направление: «Культурология»

Профиль:

«Культурная и интеллектуальная история: между Востоком и Западом» КОД - 342

Время выполнения задания – 120 мин., язык – русский.

Максимальное количество баллов – 100.

I. Выберите одно из предложенных заданий и напишите эссе:

1. Прочитайте цитату из VII «Философического письма» П.Я. Чаадаева и напишите критическое эссе. В эссе следует объяснить позицию автора, контекстуализировать ее и изложить Вашу собственную точку зрения на актуальность взглядов П.Я. Чаадаева в наши дни.

«<...> Вот, сударыня, один из самых показательных примеров лживости некоторых исторических представлений, господствующих в наше время. Как вы знаете, греки из искусства создали величайшую идею человеческого духа. Посмотрите же, в чем состоит это великолепное создание эллинского гения. Идеализовано, возвеличено, обоготворено было то материальное, что есть в человеке; естественный и законный порядок вещей был извращен; то, что должно было навсегда оставаться в низших областях духовного мира, было возведено в высшую область мысли; действие чувств на ум было возвеличено неизмеримо; главная черта, отделяющая божественное от человеческого в разуме, была стерта. Отсюда хаотическое смешение всех нравственных элементов. Ум страстно накинута на предметы, менее всего достойные его внимания; неслыханную привлекательность приобрело самое порочное в природе человека; на место первоначальной поэзии правды в воображение вторглась поэзия лжи; данная нам могущественная способность представлять себе то, что лишено образа, проникать взором в невидимое стала с тех пор применяться лишь для того, чтобы сделать осязаемое еще более осязаемым, земное - еще более земным; в итоге наше физическое существо настолько же выросло, насколько умалилось духовное. И если такие мудрецы, как Пифагор и Платон, боролись с этим пагубным направлением духа своего времени, их усилия ни к чему не привели, так как они сами более или менее были увлечены тем же, и только тогда, когда христианство обновило человеческое мышление, их учение приобрело настоящее влияние. Вот что совершило искусство греков. Это был апофеоз материи, отрицать этого нельзя. Рассматривают сохранившиеся от того времени памятники, не понимая их значения, восхищаются при виде удивительных вдохновений гения, который, к счастью, более не существует, не подозревая всего нечистого, что при этом рождается в сердце, всего лживого, что возникает в уме; это какой-то культ, опьянение, очарование, в которых нравственное чувство целиком исчезает. А между тем, стоит только хладнокровно отдать себе отчет в том чувстве, которое нас наполняет среди этого бессмысленного восхищения, чтобы убедиться, что его производит самая низменная сторона нашей природы, что, можно бы сказать, мы плотью своей воспринимаем эти мраморные и бронзовые тела. И, заметьте, вся красота, все совершенство этих изваяний происходит только от совершенного безмыслия, которое в них запечатлено: как только там проявится малейший проблеск разума, тотчас исчезает очаровывающий нас идеал.

Так что мы созерцаем даже не образ разумного существа, а образ какого-то существа измышленного, своего рода чудовища, порожденного самым беспорядочным извращением человеческого ума, облик которого никак не должен бы был привлекать, а, напротив, отталкивать нас. Вот как предрассудок, эти школьные навыки, эта рутина ума, это очарование обманчивой иллюзии, составляющие современное понятие истории, извращают самые важные предметы исторической философии. Вы, может быть, меня спросите, был ли я сам всегда чужд этих оболщений искусства? Нет, сударыня, совсем напротив; пока я с ними даже и не был знаком, какой-то неведомый инстинкт заставлял меня предчувствовать исходящие от них сладостные наслаждения, которым было суждено заполнить мою жизнь. Когда же одно из величайших событий века привело меня в ту сторону, где завоевание сразу собрало все эти сокровища[105], я следовал общему примеру и еще усерднее, чем другие, курил фимиам на алтаре кумиров. Затем, когда я их во второй раз увидел при свете их родного солнца, я снова восхищался ими с наслаждением [106]. Правда, в глубине этого восхищения всегда таилось что-то горькое, подобное угрызению совести; и потому, когда явилось понимание истины, я, не отбрасывая ни одного из ее последствий, немедленно и без уверток все их принял.

<...>

А знаете ли Вы вот что: в сущности, до Гомера, греков, римлян, германцев нам, русским, нет никакого дела. Нам все это вполне чуждо. Но что поделаешь! Поневоле приходится говорить языком Европы. Наша чужеземная цивилизация так загнала нас в Европу, что хотя мы и не имеем ее идей, у нас нет другого языка, кроме языка той же Европы; им и приходится пользоваться. Если ничтожное количество установившихся у нас умственных навыков, традиций, воспоминаний, если ничто вообще из нашего прошлого не объединяет нас ни с одним народом на земле, если мы на самом деле не принадлежим ни к какой нравственной системе вселенной, своими социальными мерками мы все же связаны с западным миром. Эта связь, надо признаться, очень слабая, не соединяющая нас с Европой так крепко, как это воображают, и не заставляющая нас ощущать всей своей сущностью великое движение, которое там совершается, все же ставит нашу будущую судьбу в зависимость от судьбы европейского общества. Поэтому, чем более мы будем стараться с нею отождествиться, тем лучше нам будет. До сих пор мы жили обособленно; то, чему мы научились от других, осталось вне нас как простое украшение, не проникая в глубину наших душ; в наши дни силы высшего общества так возросли, его действие на остальную часть человеческого рода так расширилось, что вскоре мы будем увлечены всемирным вихрем, и телом и духом, это несомненно: нам никак не удастся долго еще пробыть в нашем одиночестве. Сделаем же, что в наших силах, для расчистки путей нашим внукам. Не в нашей власти оставить им то, чего у нас не было: верований, разума, созданного временем, определенно обрисованной личности, убеждений, развитых ходом продолжительной духовной жизни, оживленной, деятельной, богатой результатами; оставим им, по крайней мере, несколько идей, которые, хотя бы мы и не сами их нашли, переходя из одного поколения в другое, - тем не менее, они получают нечто, свойственное традиции, и тем самым приобретут некоторую силу, несколько большую способность приносить плод, чем это дано нашим собственным мыслям. Этим мы оказали бы услугу потомству и не прошли бы без всякой пользы свой земной путь».

Москва, 1829 г., 16 февраля

2. Прокомментируйте следующую цитату из памфлета друга и коллеги Фр. Ницше Эрвина Роде:

«[О]бъективность, заявляющая, что, исследуя самую сокровенную суть античного искусства, полагается на одни только “свидетельства”, — она по сути иллюзорна, и не более того. Лежащему в развалинах чудному миру древности мы предстоим точно так же, как и всей совокупной природе, — и тут, и там перед нами несвязная бесконечность отдельных предметов, побуждение искать для них некое единство исходит из самых глубин нашей натуры, а его мы в свою очередь можем обретать лишь в том единстве созерцающего познания, какое возникает внутри нас самих. К разрозненным обломкам античной традиции можно применить замечательные слова Монтеня: “Il est impossible de ranger les pièces, à qui n'a une forme du total en sa teste” [Тот, кто не держит в своей голове формы целого, не может привести в порядок его части]. Мы всей душой хотели бы приблизиться к величайшей культуре древней Эллады, а отсюда — многочисленные попытки постигать ее на основе самых различных, какие только могут быть, воззрений на мир».

3. Прокомментируйте следующие слова одного из крупнейших философов культуры XX века Эрнста Кассирера:

«Разум – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы вместо того, чтобы определять человека как animal rationale [животное, наделенное разумом], мы должны, следовательно, определить его как animal symbolicum [животное, создающее символы]. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, и тем самым и понять новый путь, открытый человеку - путь цивилизации».

4. Прокомментируйте знаменитый афоризм Марка Блока:

«Настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча».

5. Прокомментируйте знаменитое определение Августа Бека: «филология есть познание познанного». Можно ли распространить его на другие гуманитарные науки?

II. К выполненному эссе напишите аннотацию на английском, немецком, французском, итальянском или польском языке. Объем аннотации – не менее 180 слов.